

КАЙЕНСКИЙ ПЕРЕЦ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФИГУРЫ

Анастасия Владимировна Соколова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: nosferatu_here@mail.ru

Аннотация. В русской классической литературе сложилась традиция противопоставлять правовым институтам «естественные», народные представления о праве. Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова роднит не только сходство концептуальных взглядов, но также топоры и способы реализации концепта: и Щедрин, и Чехов настаивают на необходимости функционирования правового института. Концептуально правильные отношения между начальниками и подчиненными, в которых каждый соблюдает принятый регламент, в сознании их героев заменены представлениями о том, что прав тот, кто сильнее.

Ключевые слова: естественное право, фразеологическая единица, топос, концепт.

В русской классической литературе сложилась традиция противопоставлять правовым институтам «естественные», народные представления о праве. Так, Ф.М. Достоевский был противником схоластики, когда дело касалось человеческой души, а Л.Н. Толстой, убежденный антиинституционалист, видел в праве лишь оправдание насилия над людьми.

М.Е. Салтыков-Щедрин стал одним из первых, кто обратил внимание на этот феномен. В концепте «право» Щедрина главным был нравственный аспект: правовые нормы должны соотноситься с нравственными ценностями, понятиями совести, стыда и пр. О.Г. Егоров подчеркивает, что именно с этой точки зрения Щедрин формулировал проблемы и выдвигал идеи в своих произведениях [Егоров, с. 4].

Спустя годы А.П. Чехов вопреки сложившейся традиции тоже встает на защиту правовых институтов: его герои совершенно лишены понятия о каких бы то ни было институтах. Чехов разоблачает их представления о «естественности», смеется над простодушием своих героев, не защищает его.

Творчество Щедрина и Чехова роднит не только сходство концептуальных взглядов, но также топосы и способы реализации концепта.

Рассмотрим данный феномен на примере функционирования одной лексикализованной метафоры («проглотить ложку (кайен-

ского) перцу») в сборнике очерков М.Е. Щедрина «Помпадур и помпадурши» и в рассказе А.П. Чехова «Торжество победителя». Топосом является административная деятельность (отношения между начальником и подчиненными).

Для начала нужно уточнить, что мы понимаем под концептом и топосом. Д.С. Лихачев сравнивает концепт с «культурным шлейфом ассоциаций» [Лихачев, с.4], а Ю.С. Степанов – со «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов, с. 45]. С одной стороны, в виде концепта в ментальное сознание человека входит культура. С другой стороны, все наоборот, и концепт – это то, чем обыкновенный человек сам «входит» в культуру. Концепт – это «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний», который сопровождает то или иное слово [Степанов, с. 50].

Правовой концепт представляет собой совокупность правовых ценностей-смыслов, которые складываются под влиянием не только существующей юридической системы, но и общественных представлений о том, что есть хорошо, а что плохо.

На фоне этих рассуждений следующее понятие – «топос» – можно сравнить с инструментом. Если концепт – это отражение каких-либо событий в человеческом сознании, в его ментальности, то топос – это тот путь, который человек находит, чтобы выразить свои представления.

Смешивать такие два понятия, как кон-

цепт и топос, нельзя. По мнению Г.Г. Хазагерова, они имеют совершенно разную природу: топос – коммуникативную, а концепт – когнитивную. Концепт связан с культурой, а топос – с коммуникацией [Хазагеров, с. 8].

Если под дискурсом подразумевать единство и взаимодействие языковых форм и лингвистических, экстралингвистических и прагматических параметров [Макаров, с. 43], то представить существование дискурса без функционирования в нем концептов и топосов невозможно. Понятие дискурса здесь появляется неслучайно, так как любые попытки, в том числе и литературных персонажей, реализовать свои человеческие права или преступить закрепленные нормы, любые разговоры, касающиеся сферы правоотношений, уже вводят нас в пространство правового дискурса.

Выражение «проглотить кайенского перца» появляется в очерке Салтыкова-Щедрина «Прощаюсь, ангел мой, с тобою». Главный герой, чиновник, узнает об увольнении нынешнего администратора и назначении на его место генерала Удар-Ерыгина. Новая метла по новому метет, и главный герой, ощущая себя винтиком в огромном административном механизме, пытается узнать больше о характере будущего руководителя:

– Так они и гостеприимные?

– Гм... да... гостеприимен... “Только, говорит, так как я за обедом от трудов отдыхаю, так люблю, чтоб у меня было весело. На

днях, говорит, у меня, для общего удовольствия, правитель канцелярии целую ложку кайенского перца в жидком виде проглотил” [Салтыков-Щедрин, с. 21].

Героя начинают терзать сомнения:

А что, ежели он и меня кайенский перец глотать заставит! – думал я, трепеща всеми фибрами души моей (ибо мог ли я поручиться, что физическая моя комплекция выдержит такое испытание?) [Салтыков-Щедрин, с. 22].

Кайенский перец – это наиболее жгучий красный сорт стручкового перца. За выражением «заставить проглотить кайенский перец» кроется образ начальника-самодура, который развлекается, издеваясь над подчиненными.

Действие рассказа А.П. Чехова разворачивается прямо за столом, за которым начальник Алексей Иванович Козулин собрал на обед своих подчиненных. Среди гостей присутствует и бывший когда-то руководителем Козулина старичок Курицын. Алексей Иванович со смехом вспоминает былое самодурство Курицына и демонстрирует свою власть над бывшим начальником следующим образом:

– Курицын! Съешь этот самый кусок хлеба с перчиком!

Сытый Курицын взял большой кусок ржаного хлеба, посыпал его перцем и сжевал при громком смехе [Чехов, С. II, с. 70].

Герои и Щедрина, и Чехова не только не воспринимают такие выходки как унижение. Они уверены в их естественности: концепту-

ально правильные отношения между начальниками и подчиненными, в которых каждый соблюдает принятый регламент, в их сознании заменены представлениями о том, что прав тот, кто сильнее.

Любопытно, что кроме мотивообразующего выражения «проглотить (кайенского) перцу» эти две сцены объединяет еще одна фразеологическая единица – «ходить петушком»:

Мы оба задумались и стали в молчании ходить по кабинету (в первый раз в жизни я шел рядом с начальником, а не следовал за ним “петушком”: несчастье уравнивает все ранги) (Салтыков-Щедрин, с. 21).

И Козулин ткнул пальцем в сторону папаша: “Бегай вокруг стола и пой петушком!” [Чехов, С. II, с. 71].

«Ходить петушком», согласно толковым словарям, означает «двигаться сбоку, позади кого-нибудь другого, с заискивающим видом, робко» [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона]. Данная фразеологическая единица отражает концептуально важное представление о том, что каждый сверчок должен знать свой шесток, а подчиненный – не забывать о подобострастии.

А.П. Чехов организует топос административной деятельности, используя различные комические приемы. Например, говорящие фамилии. У героев рассказа Чехова, начальников нынешнего и прошлого, фамилии Козулин и Курицын. Эти семантические не-

соответствия направлены на достижение комического эффекта.

Если рассматривать проблему отношений между руководителем и работником с правовой точки зрения, то оба этих субъекта предстают как участники особого рода правоотношений. Каждый выполняет собственные, лишь ему присущие функции. Общеизвестно, что количество обязанностей, а следовательно, и прав, у руководителя превышает количество таковых у работника. Существует понятие субординации, что означает следование установленным правилам взаимоотношений между лицами разных иерархических ступеней внутри коллектива.

А.П. Чехов изображает «праздничный обед у его превосходительства»:

В пятницу на масляной все отправились на блины к Алексею Ивановичу Козулину [Чехов, С. II, с. 68].

Хозяин дома Алексей Иванович пригласил своего бывшего начальника и своих же подчиненных, один из которых взял с собой за компанию сына (повествование ведется от лица этого молодого человека).

Козулин, несомненно, стремится произвести впечатление на своих подчиненных. Это ему успешно удается и не только за счет роскошного меню. Восседаая во главе стола, Алексей Иванович делится воспоминаниями о том, как долог и тернист был его путь до «вашего превосходительства»:

И стал он меня есть... Долго он меня

терзал! Я и писал ему, и за пирожками бегал, перья чинил, тещу его старую по театрам водил. Всякие угождения ему делал [Чехов, С. II, с. 69].

А заботливый папаша, сидящий за этим же столом, постоянно толкает своего сына в бок, заставляя смеяться над шутками Козулина. Оканчивается рассказ А.П. Чехова довольно унижительной сценой:

Папаша мой улыбнулся, приятно покраснел и засеменял вокруг стола. Я за ним. – Ку-ку-реку! — заголосили мы оба и побежали быстрее. Я бегал и думал: “Быть мне помощником писемоводителя!” [Чехов, С. II, с. 71].

Герои изо всех сил стараются вести себя «правильно», точнее так, как им кажется правильным. Козулин сам неоднократно был унижен, пока состоял в подчинении у Курицына (*Табак нюхать выучился!*), и поэтому, уже будучи начальником, так же унижает своих подчиненных:

Курицын! Съешь этот самый кусок хлеба с перчиком! [Чехов, С. II, с. 70].

Так реализуется концепт естественного права. Герои А.П. Чехова не в состоянии отделить человека от занимаемой им должности: если человек занимает руководящий пост, это делает его власть над нижестоящими неограниченной.

А.П. Чехов размывает концепт естественного права, защищая право как институт. И здесь его главное оружие – комизм. Чехов осмеивает простодушие своих героев, леле-

ющих надежды на место помощника писемоводителя, но не оправдывает его. Он показывает, до какого абсурда и унижения может довести человека желание выслужаться и угодить начальству.

Контекстуальные отношения комического характера развивает лексическая единица, которой представлена фамилия «бывшего начальника» (Курицын) в контексте того унижительного действия, к которому принуждает своих гостей Алексей Иваныч:

Бегай вокруг стола и пой петушком! Папаша мой улыбнулся, приятно покраснел и засеменял вокруг стола. Я за ним. – Ку-ку-реку! – заголосили мы оба и побежали быстрее [Чехов, С. II, с. 70].

Таким образом, создается ощущение замкнутого круга: тот, кто бегал петушком ради места помощника писемоводителя, обречен рано или поздно глотать ржаной хлеб с перцем на потеху другим.

О.Г. Егоров выделяет в концепте права М.Е. Щедрина нравственный аспект. При этом опирается он на программу журнала «Русская правда», который в начале 1860-х годов собирался издавать Щедрин. В программе этого издания говорилось, что «главную цель, которой неизменно будет следовать новый журнал, составляет: утверждение в народе деятельной веры в его нравственное достоинство и деятельного же сознания естественного проистекающих отсюда прав» [Егоров, с. 6]. Таким образом, Щедрин видел тесную связь

между правовыми нормами и понятиями совести, чести и стыда, считал, что правовые поступки регулируются категориями сословной морали, а нравственность просто приспособляется к праву и теряет, таким образом, свой общечеловеческий характер. О.Г. Егоров, рассуждая о так называемом «двоегласии» Щедрина (когда правовые действия оцениваются в первую очередь с точки зрения сословной морали), отмечает, что «былое двоегласие породило тип ловкого адвоката новой формации, для которого правовая истина – относительна, а нравственность вообще выведена за ее пределы» [Егоров, с. 9].

М.Е. Салтыков-Щедрин внес неоценимый вклад в формирование правовых идей. Н.А. Добролюбов назвал его «основателем юридической беллетристики» [Добролюбов, с. 333]. Концепт права Салтыкова-Щедрина основывается на критике тех правовых порядков, которые не отвечают требованиям гуманизма и справедливости. Необходимо заметить, что сам писатель состоял на государственной гражданской службе и имел возможность видеть работу правовой системы изнутри. С позиции же писателя и публициста Салтыков-Щедрин живописал беззакония и преступления, с которыми сталкивался по службе. Таким образом, М.Е. Салтыков-Щедрин стал основоположником концептуальных взглядов на правовые институты, а А.П. Чехов продолжил эту традицию.

Литература

Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]: в 3 т.: 216 тыс. русских слов, 44 тыс. иностранных слов. Б.м., 2004. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Добролюбов Н.А. Сочинения Н.А. Добролюбова : [в 4 тт.]. 5-е изд. СПб. : Издание О. Н. Поповой, 1896. Т. 2.

Егоров О.Г. Правовые взгляды М.Е. Салтыкова-Щедрина // Русская литература за сто лет (1800 – 1900 гг.): Идеи. Образы. Открытия. М.: ДПК Пресс, 2012.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН, отделение литературы и языка. 1993. № 1.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадур и помпадурши. М.: Правда, 1984.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.

Хаззагеров Г.Г. Топос vs концепт: к изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт. М.: Наука, 1974–1988.

References

Chekhov, A.P. (1974–1988). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t.* [Complete oeuvre. (30

vols.)]. Moscow: Nauka.

Egorov, O.G. (2012). *Pravovye vzglyady M.E. Saltykova-Shchedrina* [Views on law of M. E. Saltykova-Shchedrin]. In: O.G. Egorov, *Russkaya literatura za sto let 1800-1900 gg. Idei. Obrazy. Otkrytiya* [Russian literature for 1800-1900. Ideas. Imagies. Discoveries]. Moscow: DPK Press.

Epishkin, N.I. (2010). *Istoricheskij slovar gallicizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of gallicisms]. Moscow: Slovarnoe izdatelstvo EHTS.

Hazagerov, G.G. (2008). *Topos vs koncept: k izucheniyu toposfery kultury* [Topos vs concept (on toposphere of culture)]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo Universiteta. Filologicheskie nauki* [Southern federal university studies in philology], 3, pp 6-26.

Likhachev, D.S. (1993). *Konceptosfera russkogo yazyka* [Sphere of concepts of Russian language]. *Izvestiya RAN otделение literatury i yazyka* [Russian Academy of Science department of literature and language], Vol. 52, 1, pp, 3-9.

Makarov, M.L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Basics of discourse theory]. Moscow: Gnozis.

Moskvin, V.P. (2008). *Argumentativnaya ritorika: teoreticheskij kurs dlya filologov* [Argumentative rhetoric: theory course for philologists]. Rostov-na-Donu: Phoenix.

Saltykov-Shchedrin, M.E. (1984). *Pompadur i pompadurshi* [Pompadury and pompadurshi]. Moscow: Pravda.

Stepanov, Y.S. (2004). *Konstanty: Slovar ruskoj kultury: 3 ed.* [Constants: glossary of Russian culture. 3 Ed.]. Moscow: Akademicheskij proekt.

CAYENNE PEPPER: HISTORY OF THE FIGURE OF SPEECH

Anastasiya V. Sokolova, Postgraduate student of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: nosferatu_here@mail.ru.

Abstract. Russian classical literature has a tradition of juxtaposing the legal institutions and popular (folk) understandings of law. Shchedrin and Chekhov not only shared their views on law and order, but also suggested similar system of topoi and their textual employment. Both authors insisted on the necessity of the effective functioning of legal institutions. At the same time, in a satirical vein, proper relationships between superiors and subordinates, in which each complies with a universally accepted protocol, are replaced with the idea of the right of the strongest, which was adopted by their main characters in their texts.

Key words: Shchedrin, Chekhov, law in literature, topoi, figure of speech.

